

Пока жил, я любил её, я помню. Память – единственное, что со мной осталось, больше ничего. Ни зрения, ни запахов, даже тела нет. Оно лежит на больничной койке без меня, я его не чувствую. Да, ещё слух сохранился.

Я слышу, что жена здесь, но это не волнует – она не любила меня. Не научилась любить, не встретился ей такой человек. А встретился я. Так у нас и шло: я её любил, она со мной жила. Жила честно – я был сыт, одет и согрет.

Сегодня жена привела с собой ребёнка – девочку лет пяти, судя по их разговору. Понятно, что это моя дочь. Я её не помню. Девочка любопытная:

– Мама, а почему папа на работу не встаёт, раньше он вставал.

– Папа болеет, ему нельзя на работу.

– Когда болеют, можно телевизор смотреть или сказки слушать. Давай ему сказку прочитаем, ту, что в автобусе читали.

– Ты ему расскажи, а мне нужно с доктором поговорить, он сейчас зайдёт.

Девочка охотно начинает рассказывать:

– Жила одна женщина, и у неё совсем не было детей. А ей нужен был ребёночек, хоть маленький. Тогда она пошла к колдунье в магазин и купила за двенадцать рублей семечко от ячменя... Мама, а почему у этой тёти не было ребёночка? У всех же есть.

– Ну... не у всех. Ещё ведь муж нужен.

– Какой муж?

– Как твой папа, а для меня он – муж. Без папы детей не бывает.

– А пока мой папа болеет, ты будешь к колдунье ходить за детьми?

Девочка старательно пересказывает мне книжку про Дюймовочку, легко подменяя

непонятные ей подробности другими, из своей жизни. Вот крот у неё оказался в норковой шубке – наверняка мать жаловалась кому-то, что я не покупаю ей.

– Мама, слепой крот же не может работать, а как он купил норковую шубу? Наш папа работал – и то не смог купить.

– Папа купил бы, только он заболел.

– А колдунья шубы не даёт, одних детей?

* * *

Я вспомнил, как вёз Свету в больницу: роды начались неожиданно, она мучилась ещё в машине, в голове осталась острая жалость и чувство вины. После этого воспоминаний нет – может, потом зацепиться было не за что?

Я вспоминаю эту женщину – всё, что осталось от любви: чуть хриловатый голос, рыжие волосы, простенькие рассуждения. Её мне не жалко, она сможет жить одна, потом найдёт другого мужчину. Но о девочке будет заботиться, как и обо мне заботилась, в этом я уверен. Девочку она, наверное, даже любит. Или нет?

Как я всё-таки попал сюда? И когда?..

* * *

Девочка отвлекла меня – я не слышал, как вошёл врач.

– Здравствуйте, Светлана Сергеевна. – Голос у него приятный, мягкий.

– Добрый день, Борис Григорьевич, я просто пришла посмотреть – может, что-то изменилось.

– Но ведь мы вчера с вами всё обсудили, вы же поняли меня...

– Конечно, доктор, только...

Вдруг женщина вскрикивает:

– Надя, Надя, что ты, к папе нельзя!

Наверное, девочка карабкалась ко мне на постель, может быть, я разрешил ей, покажил.

И снова:

– Так что же будет, доктор?

Теперь он отвечает с оттенком раздражения:

– Прошло уже шесть дней, Светлана Сергеевна, но мы пока продолжаем лечение. А вы бы лучше шли домой. Нужно беречь силы, они вам скоро понадобятся.

Мне вполне понятно, что он имеет в виду. И ей понятно, но она робко пытается возразить:

– Доктор, а мне рассказывали, что иногда...

Сколько раз он это слышал в своей палате интенсивной терапии!

– Светлана Сергеевна, я же не настаиваю, но вы должны быть готовы.

Дверь скрипнула, кто-то ушёл. Только врач... или все? Нет, не все.

– Мама, а когда папа выздоровеет, он здесь останется или к нам домой пойдёт? А то как мы без него будем верхнюю раму закрывать...

– Я и сама не знаю, Надюша.

– А ты зажарь целую курицу с корочкой, чтобы ему хватило, а я ему мандаринку оставлю: я видела, он брал из кулёчка, когда никого не было.

– Пойдём домой, поздно уже, скоро спать.

* * *

Снова голоса:

– Наш папа лучше закрывал, у него тапочки, ему газетку не надо было подкладывать на подоконник!

Девочка говорит с нажимом, убеждает мать.

– Конечно, папа лучше, но ведь дядя Федя тоже закрыл верхнюю раму. И даже сам, мы его не просили.

– Не надо было закрывать, когда его не просили! Я всегда сама посылала папу, и тогда он закрывал.

Оказывается, это у нас игра была такая: она мне поручала, и я закрывал что-то. Радовалась, наверное, что я её слушаюсь.

Кстати, я вспомнил этого Федю: сосед по лестничной клетке, мы с ним здоровались. Крупный, краснолицый, пьёт нечасто. Работает охранником. Может, он и лучше ей подходит. Незамысловатый.

Девочка опять прорывается:

– Может, папу надо разбудить? Помнишь,

он один раз на работу проспал, ты его тогда разбудила.

Зачем жена её сюда приводит? Наверное, не хочет оставлять дома одну. Заботливая, этого у неё не отнять. И о Феде будет заботиться.

Теперь голоса рядом, у изголовья, врач объясняет терпеливо:

– Нет, Светлана Сергеевна, положительной динамики не наблюдается, к сожалению.

– Что же будет?

– Мы ведь с вами подробно обсудили это, добавить нечего...

Она пока не может согласиться:

– А может случиться так...

Ей трудно подобрать непривычные слова, он помогает:

– Бывает, конечно, что функции организма восстанавливаются после таких сроков, но это крайне редко. Так что вам нужно быть готовой. Когда придут родственники мужа?

Жена молчит, ещё не может согласиться.

* * *

Дверь скрипучая, слышно, если кто-то заходит. Опять голос девочки:

– Мама, помнишь, когда я болела, ты мне дорогое лекарство покупала? Там немного осталось в бутылочке – давай его папе накапаем?

Интересно, ей жалко именно меня или она добрая?

Доктора девочка раздражает, мешает говорить о важном, у него слегка напрягается голос:

– Вы должны согласиться, Светлана Сергеевна. К тому же выводу и комиссия пришла.

– Нет, Борис Григорьевич, я не могу, у него руки тёплые – вы потрогайте.

– Я вам уже не один раз объяснил: это аппаратура поддерживает организм.

Не знает он мою Свету: на неё чем сильнее давишь, тем крепче упирается.

– Почему это я должна? А кто будет моего ребёнка кормить?

Бедная моя, всё ведь это напрасно. Врач не злой человек, но у него сроки.

– Ну что же, это ваш выбор. Только придётся это оплачивать. За каждый последующий день. Теперь Света молчит.

А доктор продолжает, будто и не было возражений:

– Вот и хорошо. Вы сможете завтра собраться? Я подготовлю документы к двум часам. Теперь я пойду, а вы можете побыть с ним.

Я её не виню – она такая. Деньги у неё есть, на шубу копили. Если бы доктор обещал меня оживить, она бы заплатила. А без гарантии она денег не даст – практичная.

Вот так незатейливо эти двое назначили мне смерть.

* * *

А я ведь уже встречался с ней раньше.

Один раз – в детстве, когда ремонтировали наш дом и мальчишки катались на крюке лебёдки. Каждый по очереди брался руками за крюк, другие включали лебёдку и поднимали его до четвёртого этажа, потом опускали. Пацаны тогда были сильные и тощие, руки спокойно выдерживали тяжесть тела. Но я всегда очень боялся высоты, только скрывал это. Потерял сознание от страха уже на спуске, ниже третьего этажа, но свалился неудачно – напоролся животом на торчавший из мульды рифлёный арматурный прут. Время было простое, друзья стянули меня с железяки, сосед-милиционер отвёз в больницу на мотоцикле. Когда я оказался на операционном столе, жизни во мне оставалось немного.

Спасла меня немолодая женщина-хирург, выхаживала как родного. Да ещё мама – приносила куриный бульон и масло, продукты практически недоступные. После моего возвращения дома не оказалось многих знакомых вещей. Особенно было жалко роскошный немецкий туалетный несесер; конечно, она им не пользовалась, но мы любили перебирать отделанные перламутром щёточки и флаконы.

В тот раз я метался на больничной койке от жизни к смерти несколько дней, а следующий случай был краткий, как хлопок ладоней. Мы с женой решили купить арбуз на рынке. Торговец, крупный узбек в голубой футболке на тугом животе, смотрел на неё влажными глазами, похохатывал:

– Что, дорого? Когда закроюсь, приходи в ларёк – даром получишь.

То, что я стою рядом с этой женщиной, только добавляло остроты в его развлечение. Он был в полтора раза тяжелее меня и держал в руке большой нож – только что разрезал арбуз, половинки ещё качались на прилавке.

Дальше всё случилось одновременно: левой рукой я подхватил половину арбуза и шмякнул мякотью ему в лицо. В правой руке у меня оказалась килограммовая гирия с весов. Торговец, ещё ничего не видя, вслепую метнул вперёд руку с ножом, но Света рванула меня в сторону – успела. Другой узбек, пожилой, в поло-сатом халате, держал этого парня за руки и быстро кричал мне:

– Уходи, пожаласта, уходи. Нам не нада, мы скандал не хотим. Уходи!

Жена утатила меня, только у ворот базара я смог разжать руку – гирия весомо ткнулась в асфальт.

Один раз меня спас врач, другой раз – жена. Теперь и врач, и жена согласились на мою смерть.

* * *

В палате снова заговорили, девочка:

– Нет, я не хочу его, папа тоже тебя целовал, я сама видела. И он меня никогда не выгонял!

Я сразу представил, как она сейчас выглядит: взглядом уткнулась в пол, губки надуты.

– Дядя Федя тебя не выгнал, просто проводил в кухню.

– Нет, выгнал, он дверь запер, я попробовала. Мамочка, давай нашего папу разбудим, он лучше.

Вся в мать, тоже практичная. Другой ребёнок просто сказал бы, что папа хороший, а эта сравнивает с Федей.

Ну что же, она такая, моя Света: если бы я вернулся, жила бы со мной, днём кормила бы, ночью для виду постанывала – образцовая жена. Когда меня отключат, она будет делать всё то же для этого напористого Феде: мужа нет дома всего неделю, а он уже лезет целоваться, спешит место занять. Только любить она не будет – ни его, ни меня.

А эта девочка, дочка, как она всё-таки выглядит?

С этой мыслью я ушёл от них туда, где было только время, плотное, как глубокая вода. Непостижимое ощущение – свободно двигаться в замёрших давних воспоминаниях, выбирать любое, чувствовать, как согласно и едва ощутимо вздрагивает масса всего, что с ним связано. Я думал о девочке, и в ответ мне, теперь уже невозможные без дочери, страгивались воспоминания о Светла-

не, медленно, из вечности в вечность, сквозь меня плыли её зелёные глаза, высокие скулы, рыжие волосы – бесстрастно, неторопливо. Уплывали дальше и оставались во мне. Здесь не рождали желания ни губы, ни кожа, ни запах... Но я никогда не ощущал их так полно.

* * *

Дверь скрипнула, слышались шаги нескольких человек. Они подавленно молчали, нельзя было узнать, кто пришёл.

– Надя, эти клетки на полу – не чтобы прыгать. Стой спокойно, мне сейчас нужно будет важные бумаги подписывать.

– А как же ты будешь подписывать, раньше все важные бумаги папа сам подписывал, а теперь он ведь не сможет?

– Папа не будет подписывать.

– А кто будет, дядя Федя? Я не хочу.

Совсем неожиданно девочка горько расплакалась. Ребенок не капризничал, она так сопротивлялась. Поняла: сейчас они подпишут, и главным в её доме станет не папа, а этот дядя Федя.

Врач распорядился:

– Настя, отведите ребёнка и побудьте с ней, мы скоро закончим.

Но девочка уже рыдала во весь голос, её не могли увести – вцепилась во что-то. Все эти родственники молчали, как рыбы холодные, она одна боролась за меня. Отчаянно, из последних силёнок!

Нет, я не могу уйти сейчас, это бессовестно. Мой ребёнок спасает меня, а я его бросаю? Да не будет мне покоя ни в каком мире, если я её брошу! Я остаюсь! Я должен!

Великолепно работает мысль без тела – ре-

шение пришло моментально: чтобы остаться, нужно точно знать, что ты здесь нужен. И я уже это знал, я видел, как сажаю её на плечи, как мы идём в зоопарк и как она утром залезает к нам с матерью в постель... А потом она вырастет и встретит свою первую любовь, обязательно встретит, не как её мать. Должно же ей что-то от меня передаться. Может быть, и передалось – мне нестерпимо захотелось её увидеть. Так нестерпимо, что глаза открылись.

Увидел только белый потолок. Зато тут же услышал звонкий радостный голосок:

– Мама, мамочка, готовь завтрак скорее, наш папа уже проснулся, ему скоро на работу!

– Надя, перестань! – Я просто почувствовал, как она с досадой дернула ребёнка за руку.

Кровать качнулась, на миг я встретил знакомые зелёные глаза, и вдруг Света рванулась, как когда-то на базаре, выхватила из рук врача документы и прижала к себе – боялась, что тот всё равно станет отключать, раз уже подписано. Это искренне у неё получилось, подумать не успела. Дорогая ты моя!

* * *

Врач моментально перестроился, слышались команды, меня куда-то подключали, кололи, вокруг возбуждённо говорило одновременно много людей. Всё это было неинтересно, я только хотел увидеть. Меня повернули набок, и я оказался нос к носу с любопытной девчачьей мордочкой: рыжие волосы, скуластенькое лицо – вылитая мать.

Но глаза не зелёные, серые у неё были глаза.

Мои.